

УДК 316.74:39

ЭТОС КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

А.В. Рязанов

Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина,
кафедра социальных коммуникаций
E-mail: ryazanov62@mail.ru

Статья посвящена анализу содержания понятия «этнос» и попытке его интерпретации через понятие «этносоциальный опыт». Особое внимание уделено рассмотрению возможностей спланированного изменения этноса с целью облегчения процесса модернизации российского общества.

Ключевые слова: этнос, этносоциальный опыт, габитус, возможности спланированных изменений, модернизация.

Ethos as Ethno-Social Experience

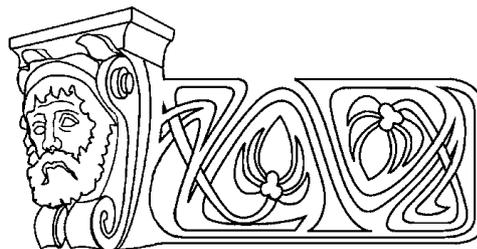
A.V. Ryazanov

The article is devoted to analysis of the 'ethos' notion content and attempt to interpret it through the concept 'ethno-social experience'. Particular attention is given to the consideration of the opportunities of 'ethos' planned change with the purpose to make easier the modernization process of the Russian society.

Key words: ethos, ethno-social experience, habitus, opportunities of planned change, modernization.

Проблема социальных изменений на современном этапе развития гуманитарного знания является одной из ключевых. Термины, используемые для описания этих изменений, не являются в достаточной степени определенными. В итоге исследователи оперируют близкими по содержанию, но разными терминами, что создает в ряде случаев проблемы при сопоставлении полученных результатов. Среди таких терминов можно выделить «этнос» и «габитус», которые могут быть интерпретированы как «этносоциальный опыт». Интересно отметить, что, несмотря на очевидную близость (хотя и не тождественность) понятий «этнос» и «габитус», авторы, исследующие проблематику социальных изменений, почему-то сравнительно редко комментируют этот факт. Одним из немногих комментариев является такой найденный в интернет-ресурсе: «при социологическом исследовании габитуса можно выделять в нем функциональные элементы, такие, как «этнос» (совокупность усвоенных моральных правил и норм) и «экзис» (манеры поведения, телесные диспозиции ...)»¹ Таким образом, габитус представляется более объемным понятием, чем этнос. Анализ содержания этих понятий важен, так как они часто используются современными социологами, культурологами и философами для описания изменений в транзитивных обществах.

Понятие «этнос» не имеет сколько-нибудь четкого определения и может пониматься по-разному. Речь может идти об этносе этноса, культуры, религиозном и даже глобальном этносе. Р. Бенедикт

считала, что «каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые все объединены одной культурной темой (которую Бенедикт называла этносом культуры), определяющей не только каким образом элементы культуры соотносятся друг с другом, но и их содержание... Таким образом, этнос культуры проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни: в системах распределения собственности, в структурах социальной иерархии, в материальных вещах и технологиях их производства, во всех разновидностях половых отношений, в формировании союзов и кланов внутри общества, в способах экономического обмена и т.п.»² В ее понимании этнос представляет собой отобранный обстоятельствами структурированный опыт, воплощенный в представлениях и находящийся выражение в определенных практиках, предназначенный для последующего воспроизводства интериоризировавшими его субъектами. А поскольку культуры имеют этническую окраску, то этнос можно интерпретировать как этносоциальный опыт. Следовательно, этнос имеет смысл считать особым идеальным социокультурным образованием и одновременно комплексом поведенческих программ, реализация которых обеспечивает его воспроизводство.

Н. Элиас утверждает, что «...всякий отдельный человек, при всех его отличиях от других людей, несет на себе также специфический отпечаток, общий для всех членов общества, к которому он принадлежит. Этот характерный склад, то есть социальный габитус индивидов, образует своего рода плодородную почву, на которой вырастают те личные признаки, благодаря которым отдельный человек отличается от других членов своего общества»³. В соответствии с таким подходом, чем более традиционным оказывается рассматриваемый социум, тем в большей степени поведение человека определяется именно социальным габитусом. Индивидуальный же габитус оказывается слабо выраженным. Чем больше выражена степень индивидуализации, распространенная среди членов того или иного социума, тем менее весомую роль для индивида будет играть инкорпорированный в него социальный габитус.

Габитус, являясь по происхождению чисто социальной силой, составляет природу индивида. «Понимание человека как агента социальных практик не требует обращения к таким «внутренним» характеристикам, как переживание, интенция. Понимание состоит в схватывании объективного наме-

рения, лежащего в основании практик, и не требует воссоздания исходных намерений и переживаний актора»⁴. В соответствии с такой трактовкой не агент использует социальные практики, а социальные практики пользуются агентом.

По мнению П. Бурдьё, «являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени»⁵. При такой трактовке габитус оказывается настолько тесно сопряженным с этосом, что отделить одно от другого представляется делом весьма сложным.

Представляется, что этос не может быть не воплощенным в какой-то своей части в коммуникативных или хозяйственных практиках, свойственных той или иной группе. Он структурирует их, являясь источником их стабильности и изменения. Таким образом, габитус стоит над человеком, так как институты «объективированы в телах» «в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованиям среды»⁶. Этос же, являясь результатом длительной адаптации группы к определенной среде, обладает большей самостоятельностью и интериоризированный человеком и через человека участвует в этих практиках как активное начало. Следовательно, склонность к использованию одного или другого термина может быть объяснена системой координат, которой придерживается (или к которой склонен) конкретный исследователь.

Этос как этносоциальный опыт имеет сложную структуру, он прочно связывает человека с социальной историей своего народа. Этос сохраняется в пословицах, поговорках, сказках, усваивается с изучением родного языка, проникает в психические и ментальные структуры индивида, определяет особенности его коммуникативного поведения и возможности адаптации к окружающей среде. Этносоциальный опыт сохраняется в концептах. «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передавать о них информацию другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и потому эмоционально-переживаемые) характеристики действительности»⁷. Этносоциальный опыт, таким образом, оказывается эмоционально и ценностно окрашенным.

Этос как этносоциальный опыт, связывая человека со многими поколениями его предков,

тесно сопряжен с исторической памятью, которая служит механизмом его сохранения и воспроизводства во времени. Практическая целесообразность его применения в таком случае подкрепляется исторической традицией.

Этносоциальный опыт любого народа содержит определенные в каждом конкретном случае, постоянно повторяющиеся мифологические и архетипические сюжеты, которые являются средством адаптации его представителей в соответствующей природной и социальной среде. Вытеснение этих сюжетов или замещение их какими-либо другими может создавать реальную угрозу существованию преемственности поколений, а значит и этноса. Внедрение и продвижение новых мифов может привести к искажению или даже разрушению национальной (этнической) картины мира, что грозит непредсказуемыми последствиями в будущем. Поскольку мифы являются неотъемлемой частью жизни человека, они сопровождают функционирование идеологии, политики, массовой коммуникации. Культурно обусловленные архетипы ориентируют человека в социальном пространстве, стимулируя выполнение упакованных в них поведенческих программ. Актуализированные таким образом архетипы выступают в роли каркаса и удерживают этносоциальную систему в жизнеспособном состоянии.

Этос как воплощение этносоциального опыта находит свое выражение в коммуникативных и хозяйственных практиках, подготавливая их и составляя их эмоционально окрашенное сопровождение. Этос этноса не однозначен, он содержит разные, а иногда и противоположно направленные составляющие, актуализируя необходимые в зависимости от ситуации.

Резко возрастает значение сохранения этоса как этносоциального опыта в условиях транзитивного общества, когда происходит переоценка многих исторических событий. Преемственность в данном случае сохраняет связь поколений, предохраняет общество от наступления культурного шока (шока перехода, культурной утомляемости)⁸, поддерживает континуитет свойственных данному социуму ценностей. По мнению П. Бергера, «общество «предоставляет» нам ценности, логику и запас информации (как, кстати, и дезинформации), которые составляют наше «знание». И далеко не каждый в состоянии произвести переоценку не только всей навязанной обществом картины мира, но даже ее отдельных фрагментов. В действительности человек просто не чувствует потребности в такой переоценке, так как привитое в процессе социализации мировоззрение кажется ему самоочевидным»⁹. Социальная оснастка, усваиваемая и воспроизводимая человеком в процессе его жизнедеятельности, еще недавно гарантировала ему, при сравнительно медленных изменениях в течение жизни одного поколения, комфортное существование в рамках своей группы.

Информационный бум, технологический прорыв привели к быстрому наращиванию знаний, изменению быта многих людей, что само по себе представляется неизбежным. В то же время произошел рост степени индивидуализации и ослабление коллективистского начала в тех обществах, которые изначально к этому тяготели. Индивид становится все более независимым как в экономической, так и в социальной сфере. Функция социализации постепенно переходит к средствам массовой коммуникации.

Крайне осторожно имеет смысл воспринимать попытки некоторых специалистов обосновать возможность и необходимость «ремонта» этноса. Проблема в том, что подобные действия не могут быть с достаточной точностью просчитаны, а следовательно, их последствия сложно предугадать. Вполне возможно, что после такого реформирования, тем более, если оно будет происходить в неблагоприятном контексте, в коммуникативном пространстве этноса могут начаться негативные процессы, которые могут привести к кризису и даже к последующему распаду этноса. Нужно бережно относиться к историческому наследию. Подчас то, что сейчас кажется никому не нужным анахронизмом, впоследствии может стать источником роста как в экономическом, так и в духовном плане.

Представляется целесообразным не экспериментировать с феноменом, механизмы формирования и функционирования которого до сих пор остаются не ясными. Более продуктивным может быть поиск и последующее использование тех способов и форм деятельности, которые могут активизировать применение имеющегося на данный момент этносоциального опыта. Вероятно, в такой ситуации будет правильным приспособлять заимствованные извне формы к российским реалиям, а не наоборот. Определяющим должно быть соответствие планируемых изменений этносоциальному опыту, хотя бы его учет. В настоящее время, скорее, происходит обратное. Результатом является дезорганизация в экономической, социальной и политической сферах современного российского общества.

Этос как этносоциальный опыт, выполняя стабилизирующую и адаптивную функцию, представляет собой сложно структурированное образование, которое способно активизировать подчас неосознаваемые поведенческие императивы и программы их реализации. Он, будучи исторически изменчивым, обуславливает характер взаимодействия между людьми, являющимися его носителями, и в этом смысле лежит в основании человеческого и социального капитала¹⁰. Индивиды, используя этот багаж, «расширяют свои собственные возможности и способности, следуя правилам сотрудничества, которые, хотя и стесняют их свободу выбора, позволяют им вступать во взаимодействие с другими индивидами и координировать свои действия»¹¹.

В условиях глобализации возможность сохранения внутриэтнических связей и солидарности повышает конкурентноспособность и индивида, и его группы в целом. Поддержание в рамках этноса этноса определенного баланса ценностей и норм необходимо для сохранения самого этноса. А.И. Пригожин определяет этос как «социальный генотип нации, ее личность» и сравнивает его с «неким кодом, невидимой программой, которая воспроизводит соответствующие ей стереотипы деятельности»¹². Он также подчеркивает, что этос складывается двояким способом: «спонтанно-исторически в сочетании многих, далеко не всегда ясных обстоятельствах, факторов» и «управленчески, в результате решений органов власти, общественных договоров, точнее – их предусмотренных или непредвиденных последствий»¹³.

Создается впечатление, что вес второго фактора в данной системе взглядов существенно преувеличен. Он может быть только вторичным и, следовательно, в значительной степени зависит и определяется первым. Процесс управления тем, что само по себе является феноменальным образованием, механизм образования и функционирования которого остается во многом не ясным, неминуемо связан с существенными социальными рисками. Эти риски чреваты нежелательными последствиями, которые далеко не во всех случаях удается предугадать и предупредить. Ситуация усугубляется тем, что в условиях глобализации такие последствия могут быть особенно тяжелыми и даже иметь необратимый характер.

Внедрение «идеологием цивилизационного уровня»¹⁴ (законности, качества труда, взаимной ответственности), предлагаемое А.И. Пригожиным, само по себе вряд ли может «обогащать» этос. Законность будет соблюдаться большинством только в том случае, если законы будут соответствовать реальной жизни, а не желаниям законодателя. Труд будет качественным, если (дополнительно к иным необходимым условиям) он будет достойно вознаграждаться. Взаимная обязательность (в том числе и в деловой сфере) начинает работать тогда, когда она действительно *взаимна* и люди видят отдачу от следования образцам.

А.И. Пригожин также считает, что возможно целенаправленное и ускоренное изменение этноса нашей страны. По его мнению, «обогащению» этноса может способствовать «синергичное лидерство», внедрение кодексов и даже «международный аутсорсинг для внутренних задач»¹⁵. Однако проблема в том, что дискурс декларативных реформ в современной России обесценен, люди не будут ему следовать, так как он долгие годы не сопровождается параллельными адекватными действиями власти. Нужны не виртуальные, а реальные изменения.

Даже в том случае, если курс, характер и ресурсный потенциал реформ определены адекватно сложившейся в стране ситуации, остается проблема, связанная с желанием элиты (в том

числе и интеллектуальной) разрешить ее радикально. «Генеральная проблема состоит в том, что нельзя сохранить и развивать наследуемые институции, ибо в их системном ядре заложено тупиковое интенсивное качество. Задача состоит в том, чтобы похоронить перечисленные реалии, сохранив при этом нацию и государство, деструктурировать отмирающие организмы на кирпичики и сложить заново на качественно новых основаниях»¹⁶. Однако то, что сложилось исторически в результате взаимодействия факторов различного происхождения и постоянно воспроизводится, несмотря на усилия поколений реформаторов, в большинстве случаев невозможно изменить быстро и кардинально. Традиционные установки имеют свойство консервироваться, переживать неблагоприятные обстоятельства и актуализироваться, в то время как наивные прогрессисты объявляют их пережитками и достоянием историков¹⁷. Быстрые и кардинальные изменения нельзя считать рациональными. Необходимо найти способы использовать лучшие проявления этносоциального опыта в деле реального, а не имитационного реформирования экономической и политической сферы российского общества и государства.

Конструктивистские усилия реформаторов естественно ограничены проявлениями этносоциального опыта, которые могут и не иметь явного, внешнего выражения, но оказываются в состоянии блокировать инородные воздействия. Блокировка будет носить скорее неявный характер: формально (в том числе и в информационном пространстве) возможна видимость «успеха» нововведений. В действительности же ресурс адаптивности этносоциального опыта (если он сохранен) может сказать свое слово, и реальное содержание социальных процессов будет иным, нежели предполагают реформаторы.

Однако следует признать, что дискурс власти (подкрепляемый проводимой ею политикой) в условиях усиления «вертикальности» коммуникаций обладает значительным потенциалом¹⁸ и может быть использован во благо всего общества. Тем не менее необходимо понимать имеющиеся ограничения на пути реально необходимых социальных, политических и экономических инноваций и вовремя корректировать политику и ее идеологическое оформление. К сожалению, действующая власть не показывает признаков понимания имеющейся ситуации и не берет в полном смысле слова на себя ответственность за происходящее. Ее позицию можно охарактеризовать словами З. Баумана: «В настоящее время любимые стратегически принципы власть имущих – бегство, уклонение и независимость, и их идеальное состояние – невидимость. Попытки предугадать их шаги и непредвиденные последствия этих шагов (не говоря уже о том, чтобы предотвратить или остановить наиболее нежелательные из них)

имеют практическую эффективность, мало чем отличающуюся от эффективности действий Лиги предотвращения погодных изменений»¹⁹.

Власть должна быть внимательна к мнениям экспертного сообщества относительно направленности и характера проводимых реформ. Существует настоятельная необходимость экспертизы (реальной, а не имитационной) принимающихся законов с точки зрения их «вписывания» в российский контекст, так как немалая их часть не работает вообще или работает не так, как ожидали законодатели. В современной России именно это становится абсолютным пределом управляемости страны и главным энтропиком для реформаторских процессов в ней²⁰.

Манихео-гностический комплекс, свойственный русской культуре, подробно описанный И.Г. Яковенко и являющийся источником дуализации картины мира, блокирования диалога, мироотречности и «двойного морального стандарта»²¹ хорошо накладывается на историю США и проявляется в проводимой этим государством политике. Комплекс таких характеристик можно считать свойственным многим американцам, хотя мироотречность – не их черта. Манихео-гностический же комплекс, несомненно, присущий русским староверам, также не способствовал проявлениям в их среде мироотречности. Напомним, что немалая часть русских купцов была именно староверами. Таким образом, черты, свойственные вышеназванному комплексу, не всегда явно и в полном объеме присутствуют в этосах народов – его носителей. Оценки этих черт как позитивных или негативных носят субъективный характер и зависят от системы координат, в рамках которой мыслит исследователь.

Негативные черты русского этоса имеют обратную позитивную коннотацию. Так, мироотречность превращается в умение довольствоваться малым, манихейские черты – в готовность к мобилизации в необходимый момент. Следовательно, вышепоименованный комплекс нельзя считать однозначно негативным, в нем есть и позитив, что необходимо учитывать в деле реформирования российского общества. По мнению А.С. Ахизера, заблуждение реформаторов заключается в том, что они считали важным не путь к введению, например, рынка, не «возможность бесконечных интерпретаций, необходимых для поиска эффективного пути, а воплощение идеального финала, ради которого надо использовать любые средства. Эти постсоветские реформаторы походили на большевиков, мало задумывавшихся над тем, что «любые средства» разрушают любые цели»²².

Несмотря на сложность структуры этоса как воплощения этносоциального опыта и неоднозначность его содержания, он, несомненно, является основой устойчивости экономической, социальной и политической жизни. Как ни странно может показаться, именно имеющийся этос, а вовсе не заслуги и прозорливость российской

власти в 90-е гг. прошлого века, позволил развитие постсоветской России по относительно бескровному сценарию. Реформы проводятся тем успешней, чем в большей степени они учитывают этносоциальный опыт народа или народов, проживающих в государстве. История показывает, что слепое копирование чужих институтов и практик редко кому шло на пользу. Этнос невозможно изменить декларациями, какими бы красивыми и многообещающими они ни были. Этнос – всегда результат опыта, много раз проверяемого и составляющего часть индивидуальной и групповой культуры.

Примечания

- 1 <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text>
- 2 Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 53–54.
- 3 Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. М., 2001. С. 253.
- 4 Гутнер Г.Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 108.
- 5 Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 105.
- 6 Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современные социальные теории. Новосибирск, 1995. С. 23.
- 7 Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М., 2005. С. 8.
- 8 Стефаненко Т. Этнопсихология. М.; Екатеринбург, 2000. С. 281.
- 9 Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. М., 1996. С. 110.

- 10 См.: Быченко Ю.Г. Социологическая концепция человеческого капитала. Саратов, 2000. С. 33–34.
- 11 Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер с англ. М., 2003. С. 27.
- 12 Пригожин А.И. Российский этнос: обогащение или лечение? // ОНС. 2006. № 2. С. 33.
- 13 Там же.
- 14 Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М., 2007. С. 168.
- 15 Там же.
- 16 Яковенко И.Г. От экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия (перспективы, риски, стратегии оптимизации) // Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. И.В. Кондаков. М., 2005. С. 71.
- 17 Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М., 2006. С. 47.
- 18 См.: Рязанов А.В. Властный дискурс и общество в современной России // Власть и общество в России: традиции и современность: Материалы IV Всерос. науч. конф. В 2 т. Рязань, 2008. Т. 2. С. 154–159.
- 19 Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. СПб., 2008. С. 48.
- 20 См.: Пригожин А.И. Дезорганизация. С. 165.
- 21 См.: Яковенко И.Г. Манихео-гностицистический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 73–194.
- 22 Ахизер А.С. Российская цивилизация – пути изучения (опыт использования новых методов изучения) // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 39.

УДК 130.2

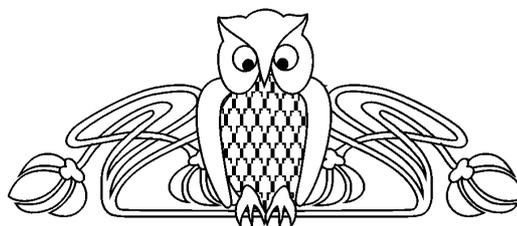
ЭСТЕТИКА СЛЕДОВ: ВОЛЯ К ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ АВАНГАРДНОГО ИСКУССТВА

С.И. Трунёв

Саратовский государственный технический университет, кафедра культурологи
E-mail: si_trounev@mail.ru

Анализируя современное искусство, автор приходит к выводу, что его (искусства) теоретической основой является философия жизни. В рамках данного направления впервые сформировались идеи, согласно которым любой объект (природы и культуры) является отпечатком индивидуальной воли к жизни (следом). След несет в себе историю индивидуального существования и в этом аспекте оказывается значимым как для автора, так и для потребителя. Для автора он представляет опредмеченную жизнь, для потребителя – свернутую индивидуальную историю, подлежащую расшифровке. Таким образом, в основе чувства удовольствия, получаемого от созерцания произведения искусства, лежит чувство власти над следами собственной или чужой жизни.

Ключевые слова: современное искусство, философия жизни, воля к власти, отпечаток, след.

Aesthetics of Traces: Will to the Power in a Context of Vanguard Art

S.I. Trounev

Analyzing the modern, the author comes to conclusion, that its (art) theoretical basis is the philosophy of life. In the frame of given direction innovative ideas were developed, according to which any object (the nature and culture) is a print of individual will to live (trace). The trace includes the history of individual existence and in this aspect it appears significant both for the author, and for the consumer. For the author it represents a life which is transformed into an object, for the consumer – the pressed individual history which is subject to decoding. Thus, at the base of feeling of the pleasure received from contemplation of a masterpiece of art, the feeling of the power over traces of author's own or alien's (contemplator's) life lays

Key words: modern art, philosophy of life, will to the power, print, trace.